

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.01>

ПУШКИНСКИЙ МИФ И АНЕКДОТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ В ПОВЕСТИ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»

Сейран Акопович Джанумов¹, Ашот Сейранович Джанумов²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ DjanumovSA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0847-5484>

² DzhanumovAS@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1697-0370>

Аннотация. В статье речь идет о художественной функции анекдота в повести Сергея Довлатова «Заповедник» (1983) и об отношении автора произведения к официальному пушкинскому мифу. В статье проводится мысль, что довлатовская деконструкция пушкинского мифа является в какой-то степени ироническим ответом на советскую канонизацию образа А.С. Пушкина и потому носит несколько сниженный, порой уничижительный, анекдотический характер, что не отменяет искренней не-притворной любви автора повести к великому русскому поэту.

В «Заповеднике» черты мифологизации Пушкина проявляются почти везде и всюду. Один из таких мифов, имеющих отношение к культу поэта в Пушкинском музее-заповеднике, — мотив подмены настоящих вещей и раритетов, когда-то принадлежавших поэту, позднейшими подделками, копиями, как сейчас принято говорить, «новоделами». Рассказчика возмущает, что в заповеднике пушкинский колорит воссоздается только за счет внешних (и не всегда аутентичных) атрибутов и примет.

В процессе анализа рассматриваются интертекстуальные связи повести «Заповедник» с произведениями русской классической литературы XIX в. Отмечается также, что в повести ощутимо присутствие автора не только как рассказчика, повествователя, но и как основного персонажа, что придает достоверность, правдивость изображаемым событиям и характерам.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, музей-заповедник, миф, анекдот, подмена.

Для цитирования: Джанумов С.А., Джанумов А.С. Пушкинский миф и анекдотические ситуации в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 7–29. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.01>.

COMPARATIVE LITERATURE STUDIES

EVOLUTION OF RUSSIAN LITERATURE

Original article

THE MYTH ABOUT PUSHKIN AND ANECDOTAL SITUATION IN SERGEY DOVLATOV'S STORY “THE RESERVE”

Seyran Akopovich Dzh anumov¹, Ashot Seyranovich Dzh anumov²

^{1,2} Moscow City University, Moscow, Russia

¹ DjanumovSA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0847-5484>

² Dzh anumovAS@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1697-0370>

Abstract. The article deals with the artistic function of the anecdote in the story “Reserve” (1983) by Sergei Dovlatov and the attitude of the author of the work to the official myth about Pushkin. The article suggests that Dovlatov’s deconstruction of the myth about Pushkin is to some extent an ironic response to the Soviet canonization of the image of A.S. Pushkin and therefore bears a somewhat reduced, sometimes derogatory, anecdotal character, which does not negate the author’s sincere unfeigned love to the great Russian poet.

Throughout his relatively short life, S. Dovlatov repeatedly turned to the works of Pushkin, to his judgments about literature. Dovlatov’s understanding

of the goal and purpose of literature is often in solidarity with Pushkin's. So, in the story "Reserve" Dovlatov notes: "His (Pushkin. — *S. D., A. D.*) literature is higher than morality. It conquers morality and even replaces it. His literature is akin to prayer, nature ..." [Dovlatov 2019: II, 237].

Dovlatov was also attracted by Pushkin's idea that "the goal of poetry is poetry". Thus, in a letter dated May 31, 1968, Komarovo to the prose writer, journalist L. Ya. Shtern Dovlatov categorically asserts: "As for auto-declarations about my stories, remember once and for all: *literature has no purpose* (Dovlatov's italics. — *S. D., A. D.*). <...> For me, literature is an expression of decency, conscience, freedom and pain of soul" [Little-known Dovlatov: 294].

In the "Reserve", the features of mythologization of Pushkin are manifested almost everywhere. One of these myths related to the cult of the poet in the Pushkin Museum-Reserve is the motive of replacing real things and rarities that once belonged to the poet, later forgeries, copies, as they say now, "remakes". The narrator is outraged that in the reserve, the Pushkin flavour is recreated only due to external (and not always authentic) attributes and features.

At the same time, the autobiographical hero cannot or does not want to oppose anything to this cult of Pushkin in the museum-reserve. And hence the mockery and grumbling of the author of the story, an addiction to individual (albeit memorable) anecdotal situations and episodes that do not form a coherent and detailed plot.

In the course of the analysis, the intertextual links between the story "Reserve" and the works of Russian classical literature of the 19th century are considered. It is also noted that the author's presence is tangible in the story not only as a narrator, but also as the main character, which gives credibility and veracity to the depicted events and characters.

Key words: A.S. Pushkin, museum-reserve, myth, anecdote, replacing.

For citation: Dzhanumov S.A., Dzhanumov A.S. The myth about Pushkin and anecdotal situation in Sergey Dovlatov's story "The Reserve". *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. = Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 7–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.01>.

© Джанумов С.А., Джанумов А.С., 2021

Введение. Цель статьи — выявление художественной функции анекдота в повести С. Довлатова «Заповедник» и отношения автора произведения к официозному пушкинскому мифу. В статье проводится мысль, что довлатовская деконструкция пушкинского мифа является в какой-то степени ироническим ответом на советскую канонизацию образа А.С. Пушкина и потому носит несколько сниженный, порой уничижительный, анекдотический характер, что не отменяет искренней, непритворной любви

автора повести к великому русскому поэту. В статье также рассматриваются интертекстуальные связи повести «Заповедник» с произведениями русской классической литературы первой трети XIX в.

Методология исследования. Специфика изучаемого материала и многоаспектность его рассмотрения предопределили сочетание в статье историко-культурного, стилистического методов анализа с элементами биографического метода, при котором контекст жизненного опыта писателя и его личность рассматриваются как основополагающий фактор творчества. Связь между личностью писателя и его произведениями в свете биографического метода оказывается определяющей. Методология исследования опирается на системный подход к изучению текста художественного произведения, исходящий из органической связи всех сторон изучаемого явления.

Методологическую основу статьи составляют положения, выдвинутые в работах И.Н. Сухих, Г.А. Доброзраковой, Т.Г. Шеметовой, И.З. Вейсман, Ю.Е. Власовой и других исследователей творчества С. Довлатова.

Основная часть

Место С.Д. Довлатова в литературном процессе последней трети XX в. и последующего времени

Сергей Донатович Довлатов (1941–1990) оказался одним из наиболее влиятельных и репрезентативных писателей за последнее десятилетие XX — первые два десятилетия XXI в. Литературное наследие этого автора невелико по объему — оно представлено пятью томами прозы, что не мешает книгам С. Довлатова оставаться в числе не только самых читаемых, но и неоднозначно воспринимаемых читательской аудиторией произведений. Прозаик творчески сложился в Ленинграде 1960-х — 1970-х гг. и реализовал себя как художник в Нью-Йорке 1980-х гг. В США Довлатов регулярно печатался в таких престижных изданиях, как «Ньюйоркер», «Партизан ревью», «Гранд Стрит» и др. За 12 лет жизни в Нью-Йорке он выпустил 12 книг на русском и несколько на английском языках, переводился на основные европейские и японский языки. О прозе Довлатова исключительно лестно отзывались ведущие писатели России и США: Виктор Некрасов, Фазиль Искандер, Георгий Владимов, Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Джозеф Хеллер, Курт Воннегут и др. По его книгам поставлены фильмы, они инсценированы, спектакли идут повсюду — от МХАТа до студенческих театров. Внезапная смерть Довлатова в августе 1990 г. в Нью-Йорке повлекла за собой новую волну публикаций о его творчестве, что существенно помогло оценить истинный масштаб его таланта. Ни о каком другом русском писателе последней трети XX в. не пишется сегодня столько монографий, статей, диссертаций — не только в России, но и в США, Канаде, Англии, Германии, Японии и других странах. Различными исследователями (в том числе друзьями и знакомыми Довлатова)

проведена большая работа по разысканию, датировке и комментированию его произведений и писем.

В отечественном литературоведении существуют разные, порой даже диаметрально противоположные точки зрения о месте писателя в литературном процессе последней трети XX — первых десятилетий XXI в. Одни настаивают на принадлежности творчества С. Довлатова к классике, другие относят его книги к разряду хорошей массовой литературы. Такая разнородность мнений связана с тем, что, как отмечал Е.Я. Курганов в статье «Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе» (1999), «у Довлатова нарушена, смещена грань между литературой и нелитературой. Его рассказы претендуют не просто на правдоподобие, но и на то, что они есть часть жизни, на то, что они находятся внутри ее, а не вовне» [Курганов: 211].

Говоря о месте магистрального героя Довлатова в триаде «автор-герой-читатель» И.В. Савельзон в статье «“Третий путь” Сергея Довлатова» (2020) замечает: «Принцип третьего пути <...> предопределяет всю архитектуру довлатовских писаний — в том числе и характер связей между автором, героем и читателем. Стоящий на третьем пути герой двойствен, он выполняет функцию посредника между творцом и реципиентом: автор наделяет героя деталями своей биографии и чертами своей личности, физическими и психологическими, читатель же узнает в этом двухстороннем зеркале себя — человека (пост)советской эпохи, уставшего от всеобщей лжи и фальши» [Савельзон: 239].

Довлатов о творчестве А. С. Пушкина

На протяжении всей своей сравнительно недолгой жизни С. Довлатов неоднократно обращался к творчеству Пушкина, к его суждениям о литературе. В лекции, прочитанной на русском языке 19 марта 1982 г. в Университете Северной Каролины (США) «Блеск и нищета русской литературы» (сам лектор отмечает, что в названии он «<...> использовал заглавие одного из романов Оноре де Бальзака “Блеск и нищета куртизанок”» [Довлатов 2019: V, 228]), Довлатов так определяет место и значение Пушкина в истории русской литературы и в современной советской жизни (следует иметь в виду, что лекция Довлатова была, по-видимому, адресована американским студентам, которые, наверное, не очень хорошо представляли себе, почему Пушкин для России — это «наше всё», по выражению Аполлона Григорьева): «<...> чрезвычайно показательна фигура Александра Сергеевича Пушкина, величайшего русского поэта и прозаика, олицетворяющего собой все лучшее и наиболее полноценное в русской литературе. Сейчас в Советском Союзе личность и творчество Пушкина канонизированы абсолютно, его именем названы сотни гуманитарных учреждений, его сочинения тщательнейшим образом изучаются в школах и университетах...» [Довлатов 2019: V, 231].

Вместе с тем Довлатов обращает внимание американской аудитории, что «так было далеко не всегда»: «Современники обвиняли Пушкина в легкомыслии и пустословии (в чём-чём, а в “пустословии” поэта при жизни никто не обвинял. — *С. Д., А. Д.*), сочиняли на него язвительные пародии, требовали и ждали от него произведений более четкого общественно-политического звучания» [Довлатов 2019: V, 231]. В этой связи Довлатов вспоминает «<...> одну выразительную цитату из переписки Пушкина с его близким другом князем Вяземским. Вяземский в своем письме к Пушкину говорит: “Задача каждого писателя есть согреть любовью к добродетели и возбуждать ненавистью к пороку...” На что Пушкин уверенно и резко отвечает: “Вовсе нет. Поэзия выше нравственности. Или во всяком случае — совсем иное дело”» [Довлатов 2019: V, 231].

Тут Довлатов, по-видимому, цитируя ответ Пушкина, не совсем точен. Эту мысль Пушкина мы находим не в его переписке с Вяземским, а в одной из его заметок на полях статьи П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова»: «Ничуть. Поэзия выше нравственности — или по крайней мере совсем иное дело» [Пушкин 1949: XII, 229]. Да и суждение Вяземского приведено не совсем корректно и вне контекста с соответствующим фрагментом его статьи. У Вяземского читаем: «Но трагик не есть уголовный судья» (на что Пушкин откликается на полях одним, но выразительным словом: “Прекрасно!”). — *С. А., А. Д.* Обязанность его и всякого писателя есть согреть любовью к добродетели и воспалить ненавистью к пороку, а не заботиться о жребии и приговоре провидения» [Пушкин 1949: XII, 228–229].

Довлатов неслучайно останавливается на этом полемическом диалоге Пушкина с Вяземским. Для него приведенная выше декларация Пушкина имеет особое значение. Да и сам он подчеркивает в своей лекции после процитированных выше строк двух друзей-поэтов: «В этом заявлении Пушкина особенно важна последняя часть. Судить о том, что выше, поэзия или нравственность, так же трудно, как выяснить — кто сильнее, слон или кит, и трудно именно потому, что это совершенно разные вещи» [Довлатов 2019: V, 231].

И ранее, в повести «Заповедник» (1983), Довлатов проецирует это суждение Пушкина на его творчество: «Его (Пушкина. — *С. А., А. Д.*) литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее. Его литература сродни молитве, природе...» [Довлатов 2019: II, 237]. В связи с этой переключкой Довлатова с Пушкиным современный литературовед А.С. Карпов в статье «Свой среди своих: О прозе Сергея Довлатова» (1996) замечает: «Довлатов не морализирует, не учит жить. А вместе с тем каждый из его рассказов (существуя самостоятельно, они нередко объединялись в рамках повести, книги), по словам самого писателя, нес нравственный смысл, заставлял читателя задуматься о собственной

жизни, в которой так часто истинное подменено нагромождением нелепостей» [Карпов: 43].

Довлатовское понимание цели и назначения литературы солидаризуется с пушкинским. Как известно, в письме к В.А. Жуковскому из Михайловского (20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Пушкин, отвечая на вопрос Жуковского, прозвучавший в одном из его писем того же года («Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения?») [Цит. по: Пушкин 1937: XIII, 165]), замечал: «Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё не в попад» (сохранена орфография Пушкина. — С. Д., А. Д.) [Пушкин 1937: XIII, 167].

Как отмечал Н.Л. Степанов в своей книге «Лирика Пушкина. Очерки и этюды» (М., 1974), «в этом отзыве сказалось <...> понимание Пушкиным поэзии как художественного творчества, обладающего своими специфическими качествами и возможностями» [Степанов: 71]. Подхватил и развил эту мысль Пушкина, но уже применительно к другому классическому произведению русской литературы первой трети XIX в., В.Г. Белинский в статье «Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова» (1840): «Но поэзия не имеет цели вне себя — она сама себе цель; следовательно, поэтический образ не есть что-нибудь внешнее для поэта, или второстепенное, не есть средство, но есть цель...» [Белинский: 431]. И ниже, уже почти в конце статьи, Белинский еще раз повторит это суждение и даже будет порицать за «внешнюю цель» комедию Грибоедова: «Художественное произведение есть само себе цель и вне себя не имеет цели, а автор “Горя от ума” ясно имел внешнюю цель — осмеять современное общество в злой сатире, и комедию избрал для этого средством» [Белинский: 484].

Показательно, что еще в самом начале своего литературного пути Довлатов в одном из писем почти слово в слово повторяет, слегка перефразируя, приведенное выше суждение Пушкина. Так, в письме от 31 мая <1968 г., Комарово> к прозаику, журналисту Людмиле Яковлевне Штерн, с которой его связывали дружеские отношения на протяжении более чем двадцати лет, Довлатов категорически утверждает: «Что касается автодеклараций по поводу моих рассказов, то запомни раз и навсегда: *литература цели не имеет* (курсив Довлатова. — С. Д., А. Д.). <...> Для меня литература выражение порядочности, совести, свободы и душевной боли» [Малоизвестный Довлатов: 294].

Пушкинский миф и поэтика анекдота в повести «Заповедник»

О.С. Муравьева в статье «Образ Пушкина: исторические метаморфозы» (1995) отмечает: «Черты мифологизации Пушкина присутствуют во всяком знании о нем, имеющем свою традицию. История русской критики предложит нам свой миф о Пушкине, история русской литературы — свой.

Существует и обыденное восприятие, массовое сознание, в котором рождаются свои мифы» [Муравьева: 113].

Действительно, за два столетия возникло много мифов и легенд о великом русском поэте, особенно связанных с его биографией и творчеством, с его дружеским окружением, с его «утаенной любовью» и семейными отношениями. Эти мифы нашли свое проявление как в обывательском, так и в профессионально-писательском сознании, даже в фольклоре. Показательна концовка указанной выше статьи О.С. Муравьевой: «Миф о Пушкине развивается вместе с обществом, выражая в опосредованной форме его явные или скрытые идеалы. Поэтому невозможно сказать, каким будет Пушкин XXI в. — это зависит от того, какими будем мы» [Муравьева: 133].

В кандидатской диссертации Г.А. Доброзраковой «Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова» (Самара, 2007) проводится мысль, что «развенчивая официальный пушкинский миф, Довлатов создает свою мифологию, где Пушкин является и вдохновенной творческой личностью, чей художественный опыт и эстетическая позиция заслуживают особого внимания, и грешным смертным человеком» [Доброзракова 2007: 11].

Один из таких мифов, имеющих отношение к культуре поэта в Пушкинском музее-заповеднике, — мотив подмены настоящих вещей и раритетов, когда-то принадлежавших поэту, позднейшими подделками, копиями, как сейчас принято говорить, «новоделами». Показателен в «Заповеднике» диалог между Алихановым (Довлатовым) и хранительницей музея Викторией Альбертовной:

«— Можно задать один вопрос? Какие экспонаты музея — подлинные?

— Разве это важно?

— Мне кажется, да. Ведь музей — не театр.

— Здесь всё подлинное. Река, холмы, деревья — сверстники Пушкина.

Его собеседники и друзья. Вся удивительная природа здешних мест...

— Речь об экспонатах музея, — перебил я <...>.

— Что конкретно вас интересует? Что бы вы хотели увидеть?

— Ну, личные вещи... Если таковые имеются... <...>.

— Но мы воссоздаем колорит, атмосферу, — сказала хранительница.

— Понятно. Этажерка — настоящая?

— По крайней мере — той эпохи.

— А портрет Байрона?

— Настоящий, — обрадовалась Виктория Альбертовна, — подарен Вульфам... Там имеется надпись... Какой вы, однако привередливый. Личные вещи, личные вещи... А по-моему, это нездоровый интерес...

Я ощутил себя грабителем, застигнутым в чужой квартире» [Довлатов 2019: II, 219].

Этот диалог анекдотичен от начала до конца. Причем у каждого из собеседников — своя правда, своя логика. Хранительница музея делает упор на том, что природа пушкинских мест подлинная, сохранилась в непри-

косновенности. Что касается личных вещей Пушкина, то, по мнению хранительницы заповедника, нелепо было бы ожидать в музее подлинных вещей Пушкина: «Музей создавался через десятки лет после его гибели...» [Довлатов 2019: II, 219].

По поводу этого диалога И.З. Серман в статье «Театр Сергея Довлатова» (1985) делает тонкое наблюдение: «<...> смысл “поэтического” ответа, который получил Довлатов на свой вопрос, в другом. В том, что мы — служители культа, что пушкинские места — это святилище, храм, и какие бы то ни было сомнения в этом — кощунственны... Как и всякий культ, этот сопровождается экзальтированными чувствами, которые вряд ли объяснимы только преклонением и любовью: “Тут местная одна работает — Лариса. Каждый день рыдает у могилы Пушкина. Увидит могилу и в слезы...”» [Серман: 298].

В этом плане хранительница музея солидаризуется с директором пушкинского заповедника — С.С. Гейченко, который писал в многократно переиздававшейся книге (фотоальбоме) «Приют, сияньем муз одетый» (М., 1982): «Без вещей Пушкина, без природы пушкинских мест трудно понять до конца его жизнь и творчество. <...> Каждый день деревья, кусты, луга и поляны Михайловского проявляют свой характер по-новому. Каждое утро природа заменяет показанную вчера картину другой и как бы говорит нам: “Всё это видел и любил Пушкин. Посмотрите и вы. Станете лучше”» [Приют, сияньем муз одетый: 21–22].

Но и Алиханов (Довлатов) по-своему прав, когда акцентирует внимание на том, что иногда в музее-заповеднике подлинные вещи, например, портреты, заменяют подменами. Анекдотически звучит в «Заповеднике» история с так называемым портретом прадеда Пушкина, арапом Петра Великого Ганнибалом. «Пышная блондинка» из экскурсионного бюро Галина Александровна с раздражением рассказывает Алиханову, что из-за замечания какого-то привередливого «деятеля» им пришлось снять портрет генерала И.И. Закомельского, которого выдавали за портрет Ганнибала: «Ордена, видите ли, не соответствуют. Якобы это генерал Закомельский». «Кто же это на самом деле?» — наивно спрашивает будущий экскурсовод Алиханов. «— И на самом деле — Закомельский. — Почему же он такой черный? — С азиатами воевал, на юге. Там жара. Вот он и загорел. Да и краски темнеют от времени. — Значит, правильно, что сняли? — Да какая разница — Ганнибал, Закомельский... Туристы желают видеть Ганнибала. Они за это деньги платят. На фига им Закомельский?! Вот наш директор и повесил Ганнибала... Точнее, Закомельского под видом Ганнибала» [Довлатов 2019: II, 199–200].

Как видим, в своем стремлении угождать любопытствующим и, как правило, невежественным туристам экскурсоводы беззастенчиво идут на явную ложь, на подмену, и при этом не чувствуют никакой неловкости. В связи с этим в своей монографии «Довлатов: время, место, судьба»

(М., 2019) И.Н. Сухих замечает: «Тот же мотив подмены, всеобщей липы становится одним из главных в довлатовской повести. Любимые блюда и стаканы, портреты и липовые аллеи оказываются симулякрами, “новоедами”, театральными декорациями, выдумками, выдающими себя за правду (так в «Заповеднике» продолжается тема “Компромисса”») [Сухих: 141].

Та же подмена и с так называемой «аллеей Керн». Экскурсанты благоговейно ходят по этой аллее, воображают, что именно здесь Пушкин встречался с Анной Петровной Керн и, наверное, даже читал ей свое знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», не подозревая, что «<...> аллея Керн — это выдумка Гейченко. То есть аллея, конечно, имеется. Обыкновенная липовая аллея. А Керн тут ни при чем. Может, она и близко к этой аллее не подходила» [Довлатов 2019: II, 266]. В этой анекдотически звучащей истории, в этой «липе» с «липовой аллеей» ярко и зримо проявляется один из любимых приемов Довлатова — каламбур, игра словами. Действительно, в довольно обширных и в общем-то достоверных воспоминаниях и дневниках Керн ни слова не говорится о прогулках с Пушкиным по аллеям Михайловского или Тригорского, хотя и упоминается о «поэтическом подарке» Пушкина перед ее отъездом в Ригу — о стихотворении «Я помню чудное мгновенье...», которое она нашла «в неразрезанных листках» второй главы «Евгения Онегина» [Керн: 34].

И так желаемое выдается за действительное в «Заповеднике» везде и во всем. Привычку мало сведущих посетителей музея-заповедника почтиительно внимать и верить каждому слову экскурсовода Довлатов описывает с убийственной иронией в эпизоде повести, когда в комнате Арины Родионовны он, забывшись, как говорится, «на автопилоте», вместо стихов Пушкина, обращенных к няне, читает стихотворение Сергея Есенина «Письмо к матери»: «Тут я на секунду забылся. И вздрогнул, услышав собственный голос:

Ты еще жива, моя старушка,
Жив и я, привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой...

Я обмер. Сейчас кто-нибудь выкрикнет: “Безумец и невежда! Это же Есенин — “Письмо к матери”...”. <...> Я продолжал декламировать. Где-то в конце угрожающе сиял финский нож... “Тра-та-тита-там в кабацкой драке, тра-та-там под сердце финский нож...”. В сантиметре от этого грозно поблескивающего лезвия мне удалось затормозить. В наступившей тишине я ждал бури. Все молчали. Лица были взволнованны и строги. Лишь один пожилой турист со значением выговорил: — Да, были люди...» [Довлатов 2019: II, 226].

Весь этот эпизод выстроен как бы по канонам анекдота. И подмена одного стихотворения другим, подмена, которую никто из целой группы туристов не замечает, и юмористически звучащий в прозаическом пересказе мотив «финского ножа» — «грозно поблескивающего лезвия», и, наконец, еще один обязательный смеховой аспект анекдота — неожиданный пуант — многозначительная и несуразная реплика «пожилого туриста», подсознательно вспомнившего знакомую ему с детства строку из стихотворения еще одного поэта (и это усиливает абсурдность ситуации), не имеющую никакого отношения ни к няне Пушкина, ни к «Письму к матери» Есенина — строку из «Бородино» М.Ю. Лермонтова: «Да, были люди в наше время...» Но самое комичное в этой ситуации опять подмена — одной «старушки» на другую. Ведь в подсознании экскурсовода Алиханова, наверное, так и не прозвучавшая перед группой туристов цитата, реминисценция из стихотворения Пушкина «Зимний вечер»: «Что же ты моя старушка / Приумолкла у окна?»

В этом же ключе и анекдотически звучащие вопросы экскурсантов к Алиханову: «Из-за чего была дуэль Пушкина с Лермонтовым?» [Довлатов 2019: II, 224], «Какое отчество было у сыновей Александра Сергеевича?» [Довлатов 2019: II, 259].

Размышляя о мифологеме заповедника в повести Довлатова, Т.Г. Шеметова в своей докторской диссертации «Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов» (М., 2011) замечает: «Одной из важнейших мифологем, конструирующих пушкинский миф, является мифологема музея-заповедника» [Шеметова: 23]. А ниже Т.Г. Шеметова делает еще одно важное наблюдение: «Довлатов является представителем «поэтики чудовищного» (термин А. Эткинды) (имеется в виду А.М. Эткин, историк и литературовед, профессор Европейского университетского института во Флоренции. — С. Д., А. Д.), поскольку его персонаж Борис Алиханов, общий рассказчик повестей “Зона” и “Заповедник”, рисует уродливые формы функционирования официозного пушкинского культа как извода тоталитарного культа личности» [Шеметова: 41].

Одной из таких «уродливых форм функционирования официозного пушкинского культа» в повести «Заповедник» является эпизод, когда рассказчик (Борис Алиханов) должен был вести экскурсию в присутствии и под бдительным оком хранительницы музея Виктории Альбертовны: «Группа попалась требовательная. Активисты ДОСААФ из Торжка. Без конца задавали вопросы. <...> Перешли в кабинет. Демонстрирую портрет Байрона, трость, этажерку... Перехожу к творчеству... “Интенсивный период... Статьи... Проект журнала...”, “Годунов”, “Цыганы”... Библиотека... “Я скоро весь умру, но тень мою любя...” И так далее. Вдруг слышу: — Пистолеты настоящие? — Подлинный дуэльный комплект си-

стемы Лепаж. Тот же голос: — Лепаж? А я думал — Пушкина» [Довлатов 2019: II, 235].

Таких анекдотических сюжетов очень много в повести «Заповедник». Но особенно раздражает рассказчика усердно насаждаемый экскурсоводами культ Пушкина: «Все служители пушкинского культа были на удивление ревнивы. Пушкин был их коллективной собственностью, их обожаемым возлюбленным, их нежно лелеемым детищем. Всякое посягательство на эту личную святыню их раздражало» [Довлатов 2019: II, 218]. По незыблемому убеждению хранителей музея-заповедника, каждый человек, а тем более посетитель Михайловского, обязан любить Пушкина. Показателен диалог между Борисом Алихановым, только что приехавшим в заповедник, и методистом Марианной Петровной, «некрасивой женщиной лет тридцати: «— Вы любите Пушкина? Я испытал глухое раздражение. — Люблю. Так, думаю, и разлюбить недолго. — А можно спросить — за что? Я поймал на себе иронический взгляд. Очевидно, любовь к Пушкину была здесь самой ходовой валютой. А вдруг, мол, я — фальшивомонетчик...» [Довлатов 2019: II, 209].

В конце концов, доведенный до белого каления этими глупыми вопросами Алиханов кричит в исступлении: «— Любить публично — скотство! — заорал я. — Есть особый термин в сексопатологии... Дрожащей рукой она протянула мне стакан воды. Я отодвинул его. — Вы-то сами любили кого-нибудь? Когда-нибудь?! Не стоило этого говорить. Сейчас она зарыдает и крикнет: “Мне тридцать четыре года, и я — одинокая девушка!..” — Пушкин — наша гордость! — выговорила она. — Это не только великий поэт, но и великий гражданин...» [Довлатов 2019: II, 210–211].

Такая концовка диалога не случайна. Экскурсоводы заповедника настолько привыкли к заученным еще со школы штампам, готовым клише, что даже не замечают этого. Комичность ситуации дополняется и тем, что методист Марианна Петровна бессознательно и произвольно рефразирует известные слова Н.А. Некрасова, ставшие крылатыми: «Поэтом можешь ты не быть / Но гражданином быть обязан» (из стихотворения «Поэт и гражданин», 1856 г.).

И Марианна Петровна, как мы убеждаемся, читая повесть «Заповедник», в этом плане не является исключением. Тот же вопрос задает Алиханову и экскурсовод Галина Александровна сразу же после знакомства с ним: «Гая заперла дверь экскурсионного бюро. Мы направились через лес в сторону поселка. — Вы любите Пушкина? — неожиданно спросила она. Что-то во мне дрогнуло, но я ответил: — Люблю... “Медного всадника”, прозу... — А стихи? — Поздние стихи очень люблю. — А ранние? — Ранние тоже люблю, — сдался я. — Тут всё живет и дышит Пушкиным, — сказала Галя, — буквально каждая веточка, каждая травинка. Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота... Цилиндр, крылатка, знакомый профиль...» [Довлатов 2019: II, 201] (этот иронический пассаж

явно навеян одним из рассказов директора музея-заповедника С.С. Гейченко: «Когда будете в Михайловском, обязательно пойдите как-нибудь вечером на околицу усадьбы, станьте лицом к маленькому озеру и крикните громко: “Александр Сергеевич!” Уверю вас, он обязательно ответит: “А-у-у! Иду-у”» [Приют, сиянем муз одетый: 22]).

Но и этот эпизод из «Заповедника», в полном соответствии с канонами анекдота, кончается пуантом. После слов «Так и ждешь, что он (Пушкин. — С. Д., А. Д.) выйдет сейчас из-за поворота» и последующей фразы Гали вдруг следует почти ненормативная лексика, резко снижающая излишне пафосную и несколько экзальтированную тональность процитированного выше фрагмента: «Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач. — Борька, хрен моржовый, — дико заорал он, — ты ли это?!» [Довлатов 2019: II, 201]. Такие неожиданные стилистические переходы, смены регистров вполне характерны для Довлатова-рассказчика.

История с Гурьяновым находит свое продолжение, когда автор повести вспоминает, как «Леня-Стук» (за доносительство так называли этого персонажа в Ленинградском университете) проявил свое полное невежество, сдавая экзамен по русской литературе одному из хорошо известных в академической и преподавательской среде литературоведов XX в. — профессору Г.А. Бялому (Г.А. Бялый упоминается также в «Записных книжках» Довлатова [Довлатов 2019: V, 60] и в рассказе «Виноград Изабелла» [Довлатов 2019: IV, 431]. — С. Д., А. Д.): «Достались Гурьянову “Повести Белкина” (кстати, любимое пушкинское произведение Довлатова, по его собственному признанию. — С. Д., А. Д.). Леня попытался уйти в более широкую тему. Заговорил о царском режиме. Но экзаменатор спросил: — Вы читали “Повести Белкина”? — Как-то не довелось, — ответил Леня. — Вы рекомендуете? — Да, сдержался Бялый, — я вам настоятельно рекомендую прочесть эту книгу... Леня явился к Бялому через месяц и говорит: — Прочел. Спасибо. Много понравилось. — Что же вам понравилось? — заинтересовался Бялый. Леня напрягся, вспомнил и ответил: — Повесть “Домбровский”...» [Довлатов 2019: II, 294]. Как говорится в таких случаях, комментарии излишни. Налицо все признаки анекдота, включая обязательный пуант.

Но, как показывает Довлатов, ненамного лучше и, казалось бы, более просвещенные экскурсоводы музея-заповедника. Даже наедине друг с другом, когда их не слышат туристы и посетители заповедника, экскурсоводы то и дело, не к месту вспоминают ходячие и заезженные цитаты: «Миновал час пик. Бюро опустело. — С каждым летом наплыв туристов увеличивается, — пояснила Галина. И затем, немного возвысив голос: — Исполнилось пророчество: “Не зарастет священная тропа!..” (здесь даже “эрудированный” экскурсовод искажает поэта. У Пушкина, как известно, — “народная тропа”. — С. Д., А. Д.). Не зарастет, думаю. Где уж

ей, бедной, зарасти. Ее давно вытоптали эскадроны туристов...» И сразу же вдруг опять-таки неожиданный «слом», резкое снижение возвышенного стиля экскурсовода, удивляющее даже «простодушного» рассказчика: «— По утрам здесь жуткий бардак, — сказала Галина. Я снова подивился неожиданному разнообразию ее лексики» [Довлатов 2019: II, 208–209].

Вместе с тем Алиханов, изо дня в день общаясь с такими экскурсоводами, проводя экскурсии для охочих до всяких легенд и мифов о Пушкине туристах, стал замечать за собой механическое воспроизведение и повторение одних и тех же текстов, имитацию «свободной манеры изложения»: «Хотя дней через пять я заучил текст экскурсии наизусть, мне ловко удавалось симулировать взволнованную импровизацию. Я искусственно заикался, как бы подыскивая формулировки, оговаривался, жестикулировал, украшая свои тщательно разработанные экспромты афоризмами Гукковского и Щеголева. Чем лучше я узнавал Пушкина, тем меньше хотелось рассуждать о нём. Да еще на таком постыдном уровне. Я механически исполнял свою роль, получая за это неплохое вознаграждение. (Полная экскурсия стоила около восьми рублей.)» [Довлатов 2019: II, 236–237].

Да и сам Алиханов (Довлатов) в конце концов осознает: то, чем он занимается в заповеднике, — «это не работа. Это халтура...» [Довлатов 2019: II, 257].

Вот как об этом пишет в своей монографии «Довлатов: время, место, судьба» И.Н. Сухих: «Но ведь и сам Алиханов не только вклеивает в экскурсию есенинские стихи, но и соглашается (опять компромисс!) играть по предложенным в этом “заповедном” пространстве правилам. <...> И он, как те одинокие дамы, приезжает к Пушкину решать свои проблемы» [Сухих: 144].

А таких «одиноких дам», которые посещают Пушкинские Горы вовсе не из любви к поэту и даже не для отдыха, в «Заповеднике» немало. Анекдотически звучит подслушанный Алихановым разговор одной из посетительниц музея-заповедника со своей подругой по междугородному телефону: «Блондинка с толстыми ногами, жестикулируя, выкрикивала: — Татуся, слышишь?! Ехать не советую... Погода на четыре с минусом... А главное, тут абсолютно нету мужиков... Але! Ты слышишь?! Многие девушки уезжают, так и не отдохнув...» [Довлатов 2019: II, 293].

И вот в результате общения с такими «целенаправленными» посетителями Пушкинских Гор в Алиханове постепенно накапливается раздражение. И оно направлено не только на случайно попавших сюда туристов: «Туристы приехали отдыхать. Местком навязал им дешевые путевки. К поэзии эти люди, в общем-то, равнодушны. Пушкин для них — это символ культуры. Им важно ощущение — я здесь был. Необходимо поставить галочку в сознании. Расписаться в книге духовности...» [Довлатов 2019: II, 237]. Таких горе-туристов можно как-то понять и простить.

Хотя другие экскурсоводы не прощают «невежественным», по их мнению, туристам ничего, даже незнания отечественной истории и исторических лиц: «Мы (экскурсоводы. — С. Д., А. Д.) сидели в бюро, ожидая клиентов. Разговоры велись о Пушкине и о туристах. Чаще о туристах. Об их вопиющем невежестве. “Представляете, он меня спрашивает, кто такой Борис Годунов?..”» [Довлатов 2019: II, 237]; «У ограды (могилы Пушкина. — С. Д., А. Д.) фотографировались туристы. Их улыбающиеся лица показались мне отвратительными» [Довлатов 2019: II, 220].

Еще больше автобиографического героя повести раздражают, как он говорит жене, «затеи» директора музея-заповедника, который из самых лучших побуждений пытается предметно воссоздать атмосферу и колорит пушкинских произведений, например, цепь на дерево из знаменитого «Пролога» к поэме «Руслан и Людмила»: «Когда мы огибали декоративный валун на развилке, я зло сказал: “— Не обращайтесь внимания. Это так, для красоты... И чуть потише — жене: Дурацкие затеи товарища Гейченко. Хочет создать грандиозный парк культуры и отдыха. Цепь на дерево повесил из соображений колорита. Говорят, ее украли тартуские студенты. И утопили в озере. Молодцы, структуралисты!..”» [Довлатов 2019: II, 258].

Конечно, в своем неприятии «затей» директора заповедника и его деятельности, направленной на воссоздание «достоверного» колорита пушкинских мест, Алиханов (Довлатов) не совсем прав, судит предвзято и несправедливо. Семен Степанович Гейченко (1903–1993), вернувшийся в заповедник после войны одноруким инвалидом, приложил огромные усилия, чтобы вернуть к жизни почти полностью разрушенное фашистами Михайловское. Из «сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» от августа 1944 г.: «Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение Пушкинской усадьбы. Дом-музей, выстроенный на фундаменте дома, в котором жил Пушкин, немцы сожгли, и от него осталась только груда развалин. <...> Территория Пушкинского заповедника сильно заминирована...» [Приют, сиянем муз одетый: 15]. Всё, что было разрушено фашистами в период оккупации Пушкинского музея-заповедника, во многом силами С.С. Гейченко и сотрудников музея было восстановлено после войны.

Но вернемся к повести Довлатова и к пушкинскому мифу. Как отмечает в указанной выше докторской диссертации Т.Г. Шеметова, «русская литература советского и постсоветского периодов легитимирует пушкинский миф, доставшийся ей в наследство от прежних эпох, и, обновляя его собственными средствами, создает художественные феномены, призванные осовременить его устаревшую форму» [Шеметова: 9]. Но на пути «осовременивания» пушкинского мифа неизбежны и естественны некото-

рые издержки и потери, порой даже травестирование, в какой-то степени пародирование этого мифа.

Желая показать свою эрудицию и произвести положительное впечатление на методиста Марианну Петровну, Алиханов предлагает свою концепцию пушкинского мифа и значения пушкинского творчества в контексте всемирной литературы: «Пушкин — наш запоздалый Ренессанс. Как для Веймара — Гёте. Они приняли на себя то, что Запад усвоил в XV–XVII веках. <...> — При чем тут Гёте? — спросила Марианна. — И при чем тут Ренессанс? — Ни при чем! — окончательно взбесился я. — Гёте совершенно ни при чем! А Ренессансом звали лошадь Дон Кихота. Который тоже ни при чем! И я тут, очевидно, ни при чем!.. — Успокойтесь, — прошептала Марианна, — какой вы нервный... Я только спросила: “За что вы любите Пушкина?..”» [Довлатов 2019: II, 210].

Начавшийся серьезно разговор, где Алиханов «доступно» излагает свои, как ему кажется оригинальные и нетривиальные мысли о Пушкине, заканчивается, как обычно в «Заповеднике» на анекдотической ноте. И дело не только в подразумеваемом подспудно каламбуре «Ренессанс — Росинант» (как звали клячу Дон Кихота. См. об этом более подробно: [Довлатов 2019: II, 442]). Диалог о любви к Пушкину вполне ожидаемо для стиля Довлатова снижается до бытового уровня, до иронической концовки: «—И еще, — Марианна понизила голос, — вы спросили о любви... — Это вы спросили о любви. — Нет, это вы спросили о любви... Насколько я понимаю, вас интересует, замужем ли я? Так вот, я — замужем! — Вы лишили меня последней надежды, — сказал я, уходя» [Довлатов 2019: II, 211].

Последнее *bon mot* в этом диалоге остается за Алихановым. Но что касается его тезиса о том, что «Пушкин — это наш запоздалый Ренессанс», то он не нов в пушкиноведении. Похожие мысли до Довлатова высказывали Г.П. Макогоненко, Д.Д. Благой. Так, Д.Д. Благой в книге «Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина» (М., 1979), в которой собраны некоторые его предыдущие работы о поэте, возможно, известные Довлатову, в главе «Шагами великана (*Пушкин в развитии мировой литературы*)» замечает: «Явить русскому народу его национального поэта, как явлен был Италии Данте, Англии — Шекспир, Германии — Гёте, <...> — такова исторически назревшая, стоявшая перед Пушкиным и им осознанная задача, достойная поэтов-титанов Ренессанса, но еще более сложная и трудная» [Благой: 12].

Алиханова возмущает, что в заповеднике пушкинский колорит воссоздается только за счет внешних (и не всегда подходящих) атрибутов и примет: «У подножия холма темнел очередной валун. Его украшала славянская каллиграфия очередной цитаты. Туристы окружили камень и начали его жадно фотографировать» [Довлатов 2019: II, 258]; «На каждом шагу

я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью “Огнеопасно!”. Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно» [Довлатов 2019: II, 207]. Даже рестораны в Пушкинских Горах ожидаемо называются «Витязь» и «Лукоморье».

Любопытно, но на те же внешние приметы Пушкина и на некоторые другие черты в расхожем обывательском мифе о поэте обращает внимание и А.Д. Синавский (Абрам Терц) в начале своей книги «Прогулки с Пушкиным» (написана в 1966–1968 гг. в *Дубровлаге*), которая произвела в свое время эффект разорвавшейся бомбы как в Советском Союзе, так и за рубежом (где она и была впервые напечатана, в Лондоне, в 1975 г.), и споры о которой не утихают до сих пор: «Итак, что останется от расхожих анекдотов о Пушкине, если их немного почистить, освободив от скабрёзного хлама? Останутся всё те же неистребимые *бакенбарды* (здесь и далее курсив наш. — С. Д., А. Д.) (от них ему уже никогда не отделаться), тросточка, шляпа, развевающиеся фалды, общительность, легкомыслие, способность попадать в переплеты и не лезть за словом в карман, парировать направо-налево с проворством фокусника — в частом, по-киношному, мелькании *бакенбард*, тросточки, фрака...» [Абрам Терц: 341–342].

Но вернемся к повести «Заповедник». Как ни странно, но кроме ерничанья и брюзжания по поводу так называемых пушкинских атрибутов в музее-заповеднике и охочих до фотографирования себя «на фоне Пушкина» туристов, Алиханов (Довлатов) ничему этому пушкинскому мифу противопоставить не может. А отсюда пристрастие к анекдотическим ситуациям и микросюжетам, не слагающимся в цельный и развернутый сюжет. Это отмечали уже наиболее проницательные современники Довлатова. Так, в одном из интервью на радио, в передаче, посвященной творчеству Довлатова, Владимир Герасимов (изображенный в «Заповеднике» в виде Володи Митрофанова) подчеркнул, что «Заповедник» — «это повесть, но повесть, которая рассыпается на множество анекдотов».

И.З. Вейсман в кандидатской диссертации «Ленинградский текст Сергея Довлатова» (Саратов, 2005), говоря о стремлении автора «Заповедника» заменить «ложный миф» о Пушкине настоящим, отмечает, что «Довлатову важно вывести имя Пушкина из “автоматизма восприятия”». Довлатов в карикатурном виде демонстрирует абсурдность бытования советского пушкинского мифа, разыгрывает его, обживает по законам театра» [Вейсман: 14]. И чуть ниже: «Стремлением вернуть живого Пушкина можно объяснить многократную и разнообразную цитацию пушкинских текстов (на лексическом и сюжетном уровне) в неподходящем контекстном окружении или в искаженном виде...» [Вейсман: 15].

В автореферате автор диссертации не приводит в подтверждение ни одного примера, но их в изобилии можно найти в «Заповеднике», скажем,

скрытые цитаты или реминисценции из «маленькой трагедии» Пушкина «Каменный гость», на что уже обращали внимание другие исследователи творчества С. Довлатова. Так, кокетничающая с Алихановым экскурсовод Натэлла говорит ему: «А вы человек опасный» [Довлатов 2019: II, 212], — буквально повторяя реплику Доны Анны из третьей сцены «Каменного гостя». В повести появление будущего шурина Алиханова и сцена знакомства с ним пародирует встречу Дон Гуана с Командором: «Над утесами плеч возвышалось бурое кирпичное лицо. <...> Лепные своды ушей терялись в полумраке. <...> Бездонный рот, как щель в скале, таил угрозу. <...> Я чуть не застонал, когда железные тиски сжали мою ладонь» [Довлатов 2019: II, 253] (ср. финальную сцену маленькой трагедии Пушкина: «С т а т у я. Д а й р у к у. Д о н Г у а н. В о т о н а... о, т я ж е л о / П о ж а т ь е к а м е н н о й е г о д е с н и ц ы!» [Пушкин 2009: 164].

Правда, первую из реминисценций мы встречаем не только в «Каменном госте» Пушкина, но и в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова, в повести «Княжна Мери»: «Вы опасный человек, — сказала она (княжна Мери. — С. Д., А. Д.) мне...» [Лермонтов: 267].

Концовка же эпизода с Натэлой с некоторым налетом эротики — не что иное, как скрытая и несколько перефразированная цитата из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Натэлла, флиртуя, говорит Алиханову: «Полюбить такого, как вы, — опасно. И Натэлла почти болезненно толкнула меня коленом...» [Довлатов 2019: II, 212] (ср. в главе I «Мертвых душ», тоже с эротической подоплекой, что в общем-то не свойственно Гоголю: «Даже сам Собакевич, <...> приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худошавой жены своей, сказал ей: “Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицмейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!” На что супруга отвечала: “Гм!” и толкнула его ногою» [Гоголь: 19]).

Интертекстуальные связи с поэмой Гоголя выявляются и в реплике Натэллы в том же диалоге с Алихановым: «В заповеднике — толчея. Экскурсоводы и методисты — психи. Туристы — свињи (здесь и далее курсив наш. — С. Д., А. Д.) и невежды. <...> Единственный порядочный человек — Марков... — Кто такой Марков? — Фотограф. Законченный пропойца» [Довлатов 2019: II, 212] (ср. характеристику прокурора, данную Собакевичем Чичикову в главе V «Мертвых душ»: «Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья» [Гоголь: 92]. Даже знаменитое лирическое отступление Гоголя о Руси в главе XI «Мертвых душ» и риторический вопрос автора поэмы в конце этой главы («Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа» [Гоголь: 232]) переводится Довлатовым, которому надоели хуже горькой редьки все эти нудные всхлипы и нарочитые восторги писателей-«деревенщиков», в ирони-

ческий регистр: «Голову ломают: “Где ты, Русь?! Куда девалась?! Кто тебя обезобразил?!” Кто, кто... Известно кто... И нечего тут голову ломать...» [Довлатов 2019: II, 238].

В связи с такими реминисценциями и цитатами Г.А. Доброзракова в докторской диссертации «Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской классической литературы XIX–XX веков» (М., 2012) замечает: «А в повести Довлатова “Заповедник” переворачивание “с ног на голову” пушкинских произведений соседствует с неподдельным восхищением творчеством Пушкина, что выражено в использовании автором приемов повествования, ориентированных на пушкинскую поэтику и стилистику» [Доброзракова 2012: 25].

Строгость и лапидарность, простота и ясность довлатовского стиля, установка на лишённую «украшений» фразу, использование оксюморонов и каламбуров тоже восходят к Пушкину. Вспомним широко известные пушкинские критерии прозы: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» [Пушкин 1949: XI, 19].

Выводы. Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод, что в «Заповеднике» ощутимо присутствие автора не только как рассказчика, повествователя, но и как основного персонажа, что также придает достоверность, правдивость изображаемым событиям и характерам. Автобиографический герой повести зорко подмечает все несуразности, курьезы, парадоксальные и анекдотические ситуации в музее-заповеднике. Как отмечает в своей кандидатской диссертации «Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова» (М., 2001) Ю.Е. Власова, «специфической чертой довлатовского рассказа является использование писателем анекдота в качестве сюжетобразующей основы произведения: благодаря этому жизненная история обретает неожиданно яркую форму. На пересечении свойственной анекдоту заостренности, парадоксальности развития фабулы и сугубой достоверности происходящего в рассказе и возникает художественный эффект. Анекдот у Довлатова, входя в текст, сообщает ему динамичность, подвижность, мобильность, авторская идея при этом выражается особенно резко и — емко» [Власова: 10].

Источники

Абрам Терц (А.Д. Синявский). Собрание сочинений: В 2 т. М.: СП «Старт», 1992. Т. 1. 672 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3. 684 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7, книга 1. 807 с.

Довлатов С. Собрание сочинений: В 5 т. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. Т. 2. 480 с.; Т. 4. 544 с.; Т. 5. 416 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Ленинград: Наука, 1981. Т. 4. 592 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. 588 с.; Т. 12. 576 с.; Т. 13. 1937. 652 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 7. 1070 с.

Литература

Благой Д.Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. М.: Советский писатель, 1979. 624 с.

Вейсман И.З. Ленинградский текст Сергея Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2005. 21 с.

Власова Ю.Е. Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2001. 24 с.

Доброзракова Г.А. Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2012. 50 с.

Доброзракова Г.А. Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Сам. гос. пед. ун-т. Самара, 2007. 22 с.

Карпов А. Свой среди своих: О прозе Сергея Довлатова // Русская словесность. 1996. № 2. С. 41–45.

Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост., вступ. ст. и прим. А.М. Гордина. М.: Правда, 1989. 480 с.

Курганов Ефим. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / Издание составил и подготовил А.Ю. Арьев. СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. С. 208–223.

Малоизвестный Довлатов: Сборник / Издание составил и подготовил А.Ю. Арьев. СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. 512 с.

Муравьева О.С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине: Сборник статей / Под редакцией М.Н. Виролайнен (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 113–133.

Приют, сиянием муз одетый. Изд. второе / Фотолитературная композиция Е. Кассина и Г. Расторгуева; Рассказы о А.С. Пушкине и Государственном Пушкинском музее-заповеднике С. Гейченко. М.: Планета, 1982. 368 с.

Савельзон И.В. «Третий путь» Сергея Довлатова // Вопросы литературы. 2020. № 6. С. 221–248.

Серман И.З. Театр Сергея Довлатова // Серман И.З. Свободные размышления: Воспоминания, статьи / Предисловие М. Сермана. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 287–322.

Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды. Изд. второе. М.: Художественная литература, 1974. 368 с.

Сухих И.Н. Довлатов: время, место, судьба. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2019. 286 с.

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2011. 47 с.

References

Istochniki

Abram Terts (A.D. Sinyavskiy). *Sobr. soch.: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols.]. Moscow: SP “Start”, 1992. Vol. 1. 672 p. (In Russ.)

Belinskiy V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t.* [Complete works: In 13 vols.]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953. Vol. 3. 684 p. (In Russ.)

Gogol’ N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 23 t.* [Complete works: In 23 vols.]. Moscow: Nauka, 2012. Vol. 3, Book 1. 807 s. (In Russ.)

Dovlatov S. *Sobraniye sochineniy: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. Vol. 2. 480 p.; Vol. 4. 544 p.; Vol. 5. 416 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 16 t.* [Complete works: In 16 vols.]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949. Vol. 11. 588 p.; Vol. 12. 576 p.; Vol. 13. 1937. 652 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 20 t.* [Complete works: In 20 vols.]. Saint Petersburg: Nauka, 2009. Vol. 7. 1070 p. (In Russ.)

Literatura

Blagoy D.D. (1979). *Dusha v zavetnoy lire: Ocherki zhizni i tvorchestva Pushkina* [Soul in the cherished lyre: Essays on the life and work of Pushkin]. Moscow: Sovetskii pisatel’. 624 p. (In Russ.)

Veysman I.Z. (2001). *Leningradskiy tekst Sergeya Dovlatova* [Leningrad text by Sergei Dovlatov]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov. 21 p. (In Russ.)

Vlasova Yu.Ye. (2001). *Zhanrovoye svoeobrazie prozy S. Dovlatova* [Genre originality of S. Dovlatov’s prose]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 24 p. (In Russ.)

Dobrozrakova G.A. (2012). *Poetika S.D. Dovlatova v kontekste traditsiy russkoy literatury XIX–XX vekov* [S.D. Dovlatov Poetics in the context of the Russian literature traditions of the XX–XX centuries]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moscow. 50 p. (In Russ.)

Dobrozrakova G.A. (2007). *Pushkinskiy mif v tvorchestve Sergeya Dovlatova* [The Pushkin Myth in the Works of Sergei Dovlatov]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara. 22 p. (In Russ.)

Karpov A. (1996). Svoe sredi svoikh: O proze Sergeya Dovlatova [One among his own: On the prose of Sergey Dovlatov]. *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature]. № 2. Pp. 41–45. (In Russ.)

Kern (Markova-Vinogradskaya) A.P. (1989). *Vospominaniya. Dnevniki. Perepiska* [Memories. Diaries. Letters.] (Sost., vstup. st. i prim. A.M. Gordina). Moscow: Pravda. 480 p. (In Russ.)

Kurganov Yefim. (1999). Sergey Dovlatov i liniya anekdota v russkoy proze [Sergey Dovlatov and a joke line in the Russian prose]. *Sergey Dovlatov: tvorchestvo, lichnost', sud'ba* [Sergey Dovlatov: creation, personality, fate.]. (Izdaniye sostavil i podgotovil A. Yu. Ar'yev). Saint Petersburg: AOZT «Zhurnal “Zvezda”». Pp. 208–223. (In Russ.)

Lermontov M.Yu. *Sobraniye sochineniy: V 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Leningrad: Nauka, 1981. Vol. 4. 592 p. (In Russ.)

Maloizvestnyy Dovlatov: Sbornik [Little-known Dovlatov: digest]. (Izdaniye sostavil i podgotovil A. Yu. Ar'yev). Saint Petersburg: AOZT «Zhurnal “Zvezda”», 1999. 512 p. (In Russ.)

Murav'yeva O.S. (1995). *Obraz Pushkina: istoricheskiye metamorfozy* [The Image of Pushkin: Historical Metamorphoses]. *Legendy i mify o Pushkine: Sbornik statey* [Legends and Myths about Pushkin: Digest of Articles]. (Pod redaktsiyey M.N. Virolaynen (Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN.) Saint Petersburg: Gumanitarnoye agentstvo “Akademicheskii proyekt”. Pp. 113–133. (In Russ.)

Priyut, siyan'yem muz odetyy. Izd. vtoroye (Fotoliteraturnaya kompozitsiya Ye. Kassina i G. Rastorguyeva; Rasskazy o A.S. Pushkine i Gosudarstvennom Pushkinskom muzeye-zapovednike S. Geychenko) [Asylum muse's shining dressed of (Photoliterary composition of E. Kassin and G. Rastorguev; Stories about A. S. Pushkin and the State Pushkin Museum-Reserve of S. Geychenko)]. Moscow: Planeta, 1982. 368 p. (In Russ.)

Savelzon I.V. (2020). “A third way” of Sergey Dovlatov. *Russian Studies in Literature*. (6): 221–248. doi: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2020-6-221-248>. (In Russ.)

Serman I.Z. (2013). *Teatr Sergeya Dovlatova* [The Theatre of Sergey Dovlatov]. *Svobodnye razmyshleniya: Vospominaniya, stat'i* [Free Reflections: Memories, Articles]. Predisloviye M. Sermana. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. Pp. 287–322. (In Russ.)

Stepanov N.L. (1974). *Lirika Pushkina. Ocherki i etyudy. Izd. Vtoroye* [Lyrics of Pushkin. Essays and studies. Second Edition]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 368 p. (In Russ.)

Sukhikh I.N. (2019). *Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba*. [Dovlatov: Time, Place, Fate.]. Moscow: Gruppya Kompaniy "RIPOL klassik", "Pal'mira". 286 p. (In Russ.)

Shemetova T.G. (2011). *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoy literature sovetskogo i postsovetskogo periodov* [Biographical Myth about Pushkin in Russian Literature of the Soviet and Post-Soviet Periods]: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva. 47 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 24.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторах

Сейран Акопович Джанумов — доктор филологических наук; профессор; Московский городской педагогический университет; профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук; сфера научных интересов: история русской литературы XVIII—XIX вв., фольклористика, литературно-фольклорные связи.

Ашот Сейранович Джанумов — магистр филологического образования; Московский городской педагогический университет; сфера научных интересов: русская литература, литературоведение.

Information about the authors

Seyran Akopovich Dzanumov — Doctor of Philology; Professor; Moscow City University; Professor at the Russian Literature Department of the Institute of Humanities; research interests: history of Russian literature of the 18–19th centuries, folkloristics, connections between literary and folklore.

Ashot Seyranovich Dzhannumov — Master of Philological Education; Moscow City University; research interests: Russian literature, literary studies.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.